

Новости и биржевая газета. СПб.,

1900. 5 февраля. № 36.

С. 2

Из Москвы!

1...1

а внутреннее содержание — ничто. Сознаюсь, что при таком низменном понимании той замечательной работы, какую творить из наших глаз удивительный режиссерский талант Станиславского, мудро было ожидать от труппы Малаго театра внимательного и разумного отношения к такой пьесе настроения, какой является «Мендель в деревне»!..

Я не возражал. Увы, и мне приходилось вести кое-что из аристов разговоры на эту интересную тему. Увы, и я наталкивался на такую низменность понимания, происходящего перед нами поворота в сценическом воплощении драматических произведений, перед которыми оставалось только руками развести! Безнадежностью грубого шаблона влило от этих разговоров... Помню, на первом представлении пьесы Гауптмана «Одинокое» я, подавленный впечатлением, столкнулся в фойе с одним из актеров Малаго театра.

— Что скажете? — спросил я, отвечая на пожатие и желая подделиться с ним и самым впечатлением и навязанными мне мыслями.

— Скажу, что все это пустая забава. Как новинка — это может возбуждать некоторое внимание, но самая блестящая постановка очень скоро надоесть, тогда как таланты, ~~исключительные~~ таланты никогда не набоют оскомины..

Я промолчал и попытался распрощаться с моим собеседником. Он мне показался безнадежно тупым, лишенным зрения и слуха, неспособным понять ничего, совершенно припертый к стене убеждением, что все ничтожно по сравнению с талантом Кривоной и звучностью голоса Южина... Ограниченность понимания вышла этому господу постыть, что та новинка направления, которую мы видим в работ г. Станиславского, не только не ищет развития интересной работы талантов, а, напротив, вся целиком направлена к нашей их ~~слабости~~..

Да что уж и говорить об актерах, которые никогда и нигде не отличались особенной широтой взгляда, если даже из уст воле-

тентимся, мало того, из уст высоко интеллигентных приходится иногда слышать несколько неожиданные критические отзывы! На днях, например, граф Л. Н. Толстой посетил петербургский интервьюер — знаменитого писателя, как известно, интервьюеры за последнее время положительно итакуют. Беседа велась о том, о сем, а больше ни о чем и, между прочим, коснулась того впечатления, которое вынес граф Л. Н. Толстой, побывавший на днях на представлении «Дяди Вани» Антона Чехова. Вот тут-то мы и встречаем несколько неожиданных критических штрихов.

Если верить интервьюеру, граф Л. Н. Толстой чрезвычайно высоко ставит технику этой пьесы, но находит, что и с этой

приведении, как на большинстве современных, сказалось преобладание техники над внутренним смыслом. Иногда, давайте ли видеть, техника совершенно убивает внутреннее содержание, плоть подавляет дух, форма — идею... Я не знаю, где тут кончается граф Лев Толстой и где начинается интервьюерское легкомыслие — хочу, однако, верить, что последнего тут больше, чем подлинных слов знаменитого писателя. Ибо тяжело подумать, что величайший из писателей русской земли, да и не только русской земли, но и всего мира, не понял, что в таких произведении, как пьеса Чехова «Дядя Ваня», форма и есть содержание. В форме произведения — смысл его, его идея, его одухотворяющее начало. И великодушное воспроизведение формы на сцене является тут лучшим способом обнаружения его сокровеннейших задач, лучшее средство наиболее рельефного олицетворения его духа. Как в статуе Венеры Милосской удивительная красота формы говорит красноречивейшим языком духа, так и в произведениях Гауптмана, Чехова и Ибсена своеобразность формы является убедительнейшим красноречием духовных задач произведения.

Я глубоко убежден, что граф Л. Н. Толстой далеко не хотел сказать того, что сказалось в легкомысленных строках интервьюера. Блага, тот же собеседник

Новости и биржевая газета. СПб.,

1900. 5 февраля. № 36.

С. 2.

Из Москвы.

знаменитого писателя рассказывает со словъ Толстого, что однажды утромъ, читая газеты, Левъ Николаевичъ поймалъ себя на такомъ сильномъ сочувствіи побѣдамъ буровъ, что оно уже прямо переходило въ желаніе, чтобы англичанъ еще хорошенько и хорошенько поколотили!.. Въ тотъ же день къ нему явился какой-то англійскій корреспондентъ и графъ Л. Н. Толстой съ откровенничалъ англичанину насчетъ овладѣвшаго имъ минутнаго настроенія. А корреспондентъ вынулъ да и передалъ буквально изъ англійскихъ газетъ: «Левъ Толстой сочувствуетъ, пожелать бурямъ и радуется пораженіямъ англичанъ»... Надо думать, что и относительно словъ знаменитого писателя по поводу пьесъ произошло нѣчто подобное.

Такъ или иначе, но труппа Малаго театра въ гримъ лицомъ не ударила: вѣчный вѣсъ пяти дѣйствій комедіи настроенію зрителей держалось въ болѣе или менѣе напряженіи и достигалось это не только мастерскимъ исполненіемъ отдѣльных ролей, но и общими тонкимъ исполненіемъ. Замѣтите, я въ данномъ случаѣ не употребилъ слова «ансамбль». Это слово давно уже омылось и давно уже, въ сущности, не означаетъ того, что должно означать. Въ бенефисномъ спектаклѣ Ермоловой пьеса прошла какъ разъ «безъ ансамбля», то есть дадено не всѣ исполнители дѣлали то, что имъ нужно было дѣлать: в такомъ концертномъ исполненіи, какъ и Малаго театръ прославился, тутъ не шло. Но, въ то-же самое время, всѣхъ считали со-

1.../

Н. Рок.

< Н. О. Ракшанин >.